

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2023. 14(1): 9-21

DOI: 10.13187/rs.2023.1.9
<https://rs.cherkasgu.press>

The Formation of the Kremenchug Bridgehead and its Role in the Encirclement of the South-Western Front in 1941

Mark R. Lysenko ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the defense of the left bank of the Dnieper River in August-September 1941. The author singles out the creation of Kremenchug bridgehead as the main reason for the Kiev encirclement. This thesis confirms the analysis of the general strategic situation in the Ukrainian direction, established by the time of the formation and consolidation of the Kremenchug bridgehead. The author examines in detail the chronology of the battle for the left bank, which mainly unfolded not over the entire front, but on separate bridgeheads. Comparing the German plans with the current operational situation in the area from Kanev to Zaporozhye, the author has concluded that the Red Army, pulling together large forces to fight on local breaks, in conjunction with the little interaction between the commands of armies, fronts and the Supreme Command, has created conditions conducive to the successful breakthrough of the enemy on his main direction. As secondary factors affecting the defense, the author considered the general problems of the Red Army at the end of summer – the lack of ammunition, weakness of mobile units, and “staff hysteria”. The study is based on the documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation and German archival documents in the custody of the National Archives and Records Administration of the United States, as well as sources of personal origin and historiography on the subject under study.

Keywords: Great Patriotic War, the defense of the left bank of the Dnieper, the Kiev defensive operation, the Battle of Dnepropetrovsk bridgehead, Cherkasy bridgehead, Kremenchug bridgehead.

1. Введение

Конец лета – начало осени 1941 г. в историографии закрепился как период решающих сражений на первом этапе войны. Среди основных выделяют оборону Ленинграда, Москвы, Заполярья и печально известный Киевский «котел», причины которого до сих пор вызывают споры не только в вопросе о численности окруженных, но и в причинах его образования. Обычно военачальники и историки причины окружения видят в нерешительности и близорукости Ставки Верховного Главнокомандования (Москаленко, 1979: 76, 140) и лично И.В. Сталина (Хисамутдинова, 2014: 185; Великая Отечественная война, 2011: 265; Великая Отечественная война, 1998: 191, 194). Кто-то может винить генерала (впоследствии – маршала) А.И. Еременко и его неудачное наступление во фланг 2-й танковой группе вермахта, на которое возлагались чрезмерно большие надежды (Сорокин, 2023: 54). Есть мнения, что у Красной армии на юго-западном направлении просто не было шансов из-за тройного превосходства немцев в силах на основных участках (Баграмян, 1971: 321).

* Corresponding author

E-mail addresses: lysenkomarko@gmail.com (M.R. Lysenko)

Чтобы выявить главную причину киевского окружения, необходимо найти «кризисную точку», момент, который поставил войска Юго-Западного фронта в критическое положение. И если мы обратимся к хронологии событий, не углубляясь в подробности боев, то вплоть до 1 сентября (дата переправы немецких войск на левый берег р. Днепр у Калиберды, начало формирования кременчугского плацдарма) правый фланг Юго-Западного фронта не имел критических ситуаций, обстановка была стабильна. Подтверждение этому мы видим и в воспоминаниях командующего 2-й танковой группы, генерал-полковника Г. Гудерина, который отмечал, что противник перед его позициями, на р. Десна слишком силен (Гудериан, 1999: 278). Получается, что кризисная ситуация на фронте возникла именно после переправы противника под Кременчугом, которая и стала отправной точкой формирования Киевского окружения.

На сегодняшний день наиболее объективная точка зрения, объясняющая причины окружения под Киевом, принадлежит военному историку А.В. Исаеву. Он утверждает, что «советскому командованию не удалось вскрыть действительные планы противника... Концепция ведения боевых действий Юго-Западным направлением строилась на предположении, что предстоит отражать удар только одной танковой группы» (Исаев, 2004: 554).

2. Материалы и методы

Данная тема привлекает обилием воспоминаний непосредственных участников событий. Пройдя это тяжелое испытание и уже будучи крупными военными деятелями, они напишут свои мемуары, представляющие большой интерес для исследователей возможностью изучить это достаточно неоднозначное сражение с разных ракурсов. До начала Великой Отечественной войны Киевский военный округ считался «кузницей кадров». Именно из этого военного округа вышло множество прославленных генералов и маршалов Красной армии, которые после начала войны принимали активное участие в обороне украинского направления.

Начать следует с командующего 40-й армией в исследуемый период, генерал-майора артиллерии, впоследствии маршала К.С. Москаленко (Москаленко, 1979). В своей работе он достаточно трезво, с привлечением документов, в том числе, переговоров Ставки Верховного Главнокомандования с командованием Юго-Западного фронта, проанализировал Киевское окружение. При этом для К.С. Москаленко главный виновник неудачи под Киевом – начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников. Так как последний не проявил должного характера в отстаивании своей позиции касательно отвода войск из Киева. Отчасти можно согласиться с К.С. Москаленко. Б.М. Шапошников, действительно, был человеком достаточно мягкого характера, в отличие от предыдущего начальника Генерального штаба генерала армии (впоследствии – маршала) Г.К. Жукова, который мог проявить необходимую жесткость и решительность в критической обстановке. Сам маршал Б.М. Шапошников умер 26 марта 1945 г, не оставив воспоминаний, поэтому его личного мнения по этому вопросу мы не знаем.

Помимо Шапошникова, в генштабе был еще один человек, решения которого могли повлиять на позицию Сталина – генерал-лейтенант (впоследствии – маршал) А.М. Василевский. В своих воспоминаниях он, не снимая с себя ответственности, заявляет, что ему и Борису Михайловичу, действительно, не хватило твердости в отстаивании предложения об отходе. А.М. Василевский также заявляет, что он и другие представители Ставки Верховного Главнокомандования попали под влияние заверений А.И. Еременко, хотя с самого начала считали бесперспективным его наступление. Осознание допущенных ошибок ясно передает разговор Василевского с Жуковым, который еще в конце июля заявлял об опасности обстановки на юго-западном направлении. Александр Михайлович на его вопрос «Как расценивается ситуация на Юго-Западе?», смог лишь меланхолично констатировать: «... мы уже опоздали» (Василевский, 1978: 135).

Главный виновник фрустраций – маршал А.И. Еременко – в своих воспоминаниях, наоборот, винит членов Ставки Верховного Главнокомандования, считая, что выдвигаемые ею требования по разгрому противника были неосуществимы (Еременко, 1965: 311, 318). А.И. Еременко старался «выбить» себе максимальное количество частей, в том числе предназначенных для контрудара под Ельней, который он и вовсе считал малоэффективным, апеллируя в первую очередь к необходимости атаковать главные силы

Гудериана под Стародубом. Назвать маршала А.И. Еременко «иллюзором» нельзя, но и трезвости в докладах и оценках противника ему не хватало. Воспоминания А.И. Еременко являются информативными лишь в общей оценке положения Юго-Западного фронта, позволяя восполнить пустоту, связанную с отсутствием воспоминаний командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса. Так, из мемуаров Еременко мы можем заметить, что на 2 сентября М.П. Кирпоноса беспокоило южное направление и требования Ставки во что бы то ни стало удерживать Киев (Еременко, 1965: 312). То есть, командующий фронтом не испытывал никаких иллюзий в отношении главной угрозы, но вопрос в том, почему только 2 сентября?

Следующий, достаточно противоречивый участник рассматриваемых событий – генерал-лейтенант Д.И. Рябышев. Для Рябышева бои в Украине в конце лета – начале осени стали его «лебединой песней». Благодаря стойкости его войск в боях у Черкасс он сумел подняться до командующего фронтового уровня. Однако, как покажет история, Д.И. Рябышев был прекрасным командиром корпуса и командующим армией, но фронт для него оказался непосильной нагрузкой, особенно в условиях нехватки армейских частей и времени. В мемуарах он оставил достаточно отчетливые воспоминания о тяжелых боях за Черкасский плацдарм, однако воспринимать их стоит, оглядываясь на документы, так как Дмитрий Иванович не упускает возможности приукрасить свои боевые заслуги и понимание обстановки. Во многом это связано с написанием мемуаров не по «горячим следам», а также с апостериорными знаниями обстановки. Так, например, Д.И. Рябышев пишет, что при сдаче дел и отбытии из 38-й армии он настойчиво просил обратить внимание на Кременчугское направление (Рябышев, 1990: 78), в то время как документы, наоборот, показывают полную озабоченность командующим боями за остров Кроловец (ЦАМО РФ. Ф. 3468. Оп. 1. Д. 21. Л. 10).

Одним из наиболее проработанных источников, с точки зрения аналитики военных действий со стороны автора, являются мемуары маршала А.А. Гречко, который в эти годы был полковником и командовал 34-й кавалерийской дивизией, пытавшейся остановить переправившегося противника под Кременчугом (Гречко, 1976: 574). А.А. Гречко в отличие от прочих авторов старался абстрагироваться от собственных оценок боевых действий, придерживаясь строгого стиля военного повествования. Будучи на момент публикации мемуаров министром обороны СССР, он не мог себе позволить открыто критиковать каких-либо военачальников или искать виноватых, выражая свою личную точку зрения.

Завершить обзор отечественной мемуаристики по исследуемой проблеме следует воспоминаниями маршала, а в то время генерал-майора И.Х. Баграмяна, который придерживался позиции, что главной опасностью для Юго-Западного фронта являлась 2-я танковая группа на правом фланге, а на участке у Кременчуга, по его мнению, позиция советских войск была прочна и даже в случае прорыва противника его было чем купировать (Баграмян, 1971). В мемуарах И.Х. Баграмяна наблюдается достаточно крупный охват решений командующих от дивизионного до оперативного уровня. Во многом именно воспоминания Ивана Христофоровича восполняют отсутствие мемуаров командующего 38-й армии генерал-майора танковых войск Н.В. Фекленко, которому приходилось обороняться под Черкассами и Кременчугом против 1-й танковой группы.

Из зарубежной мемуаристики определенный интерес может представлять работа генерал-полковника Э. фон Макензена, командующего 3-м моторизованным корпусом в период изучаемых событий, которая представляет собой достаточно типичный образец воспоминаний немецкого военачальника Второй мировой войны (Макензен, 2004). В своей работе Э. фон Макензен придерживается достаточно строгого хронологического повествования о военных действиях, однако не упускает возможности приуменьшать потери немецких войск, что в принципе характерно для большинства работ, написанных немецкими генералами.

Несмотря на обилие источников личного происхождения, авторы которых были непосредственными участниками исследуемых событий, мы не можем полностью довериться полученной из них информации, во-первых, из-за апостериорного восприятия и изложения событий авторами, во-вторых, из-за личной и идеологической ангажированности генералов-участников Великой Отечественной войны.

Так как Великая Отечественная война на сегодняшний день является одним из основных мест памяти нашей страны, попытка переосмысления ее событий нередко

болезненно воспринимается в общественном сознании. Однако такое переосмысление необязательно означает отрицание подвигов участников войны. Автор, анализируя изучаемые события, стремился подвергнуть источниковедческой критике все подобранные источники.

Основой для подготовки статьи, помимо воспоминаний, стали документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО РФ) и немецкие архивные документы, находящиеся на хранении в Национальном управлении архивов и документации США (далее NARA).

Методологическую основу исследования составили научные принципы объективности и историзма, предусматривающие беспристрастный анализ всех доступных материалов, источников и научной литературы. В ходе исследования использовались ретроспективный, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы исследования. Основным средством достижения цели работы является реконструкция событий на основе сопоставления советских и немецких источников.

Основной посыл работы – это изучение сражений прошлого для применения полученного военно-исторического опыта в настоящем. Даже если учесть, что изучаемые события происходили 78 лет назад и современные вооруженные силы шагнули далеко вперед, полученный опыт не является устаревшим. В защиту данного тезиса хотелось бы привести цитату министра обороны СССР (с 12 апреля 1967 г. по 26 апреля 1976 г.) маршала А.А. Гречко: «Утверждение нового в военном искусстве никогда полностью не отрицало предшествующего. Уроки минувших войн служили трамплином, отталкиваясь от которого можно было двигаться вперед. Опыт прошлого продолжал существовать рядом с новым, подкрепляя и обогащая его... Только творческое восприятие уроков прошедших войн приносит действительную пользу» (Гречко, 1976: 4).

3. Обсуждение и результаты

«Отправной точкой» окружения войск Юго-Западного фронта стал провал обороны на Днестре. Необходимо задаться вопросом: почему советские войска не смогли удержать позиции на левом берегу Днестра? Проблема здесь куда шире, чем может показаться на первый взгляд.

Для начала следует представить себе, что такое оборона за водной преградой, тем более такой, как Днепр. Эта река настолько широка во многих местах, что форсировать ее вброд невозможно. Соответственно, для этого необходимо привлекать специальные подразделения, инженерные службы, дополнительную авиацию и так далее. Или захватывать мосты, количество которых ограничено. Разумеется, их оборону серьезно укрепляли советские части. Но Днепр на всем своем протяжении неоднороден. В некоторых местах есть заболоченные поймы, как, например, выше по течению от Черкасс или же в районе северо-западнее Кременчуга. Форсирование крупными силами в таких местах зачастую невозможно из-за отсутствия каких-либо дорог и наличия сети естественных преград в виде болот, разветвленной речной системы и мелких островов, непригодных для перемещения регулярных войск. В других же местах располагаются речные острова, которые существенно упрощают наведение переправ. Их можно использовать в качестве перевалочных баз, существенно сокращая длину понтонных или мостов. Поэтому особенно важно во время обороны берега полноводной реки наибольшее внимание уделять участкам с мостами, обилием переправ и речных островов. Второстепенное внимание должно быть уделено заболоченным поймам и участкам, где река широка и не имеется ни единого острова.

Учтя все стратегические нюансы обороны Днестра, следует рассмотреть главного протагониста данной работы – Красную армию и ее состояние в конце лета 1941 г. После поражения в приграничном сражении, Красная армия, потеряв чудовищное количество танков, начала откатываться к Днестру, отбиваясь от постоянных атак группы армий «Юг», стараясь не попасть в окружение. Но немецкому 48-му моторизованному корпусу удалось замкнуть в окружение войска 6-й и 12-й советских армий под Уманью, что уже существенно ограничивало силы, которые в перспективе можно было «растянуть» по Днестру. Кроме того, данное окружение оказало серьезное психологическое воздействие на Генеральный штаб и лично на И.В. Сталина. Так, 7 сентября начальник Генштаба РККА маршал Б.М. Шапошников со своим заместителем генерал-майором А.М. Василевским предприняли попытку убедить Сталина в необходимости отхода от Киева, но Сталин был непреклонен. Это была далеко не первая попытка убедить Сталина в необходимости отхода. Первым в

этом вопросе был генерал армии Г.К. Жуков, который еще в конце июля поплатился за подобные предложения смещением с поста начальника генштаба (Жуков, 1974: 352-353; Сорокин, 2022: 54). Позднее, 11 сентября 1941 г., в дни, когда окружение частей Юго-Западного фронта стало вопросом времени, главком Юго-Западного направления маршал С.М. Буденный неоднократно запрашивал у Ставки разрешение на отход из намечавшегося окружения, но Сталин отвечал ему, поминая летние бои под Уманью, следующее: «Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной вам реки (р. Псел – М.Р.) мне кажется опасным. Если обратиться к недавнему прошлому, то вы вспомните, что при отводе войск из района Бердичев и Новоград-Волынский у вас был более мощный рубеж – р. Днепр и, несмотря на это, при отводе войск [вы] потеряли две армии и отвод превратился в бегство» (Москаленко, 1979: 75). После Буденный и вовсе был смещен на посту главкома на С.К. Тимошенко. Таким образом, вопрос об отходе на более выгодные рубежи уже в обстановке сложившегося окружения стоять не мог. Речь идет не о том, что при любой малейшей угрозе нужно все бросать и отступать, а том, что Ставка Верховного Главнокомандования цеплялась даже за самую призрачную возможность удерживать территории, которые лишь «перемальвали» драгоценные резервы и отсрочивали неизбежное. Тому пример не только Киевское окружение.

Помимо «штабной истерии», стоит отметить следующую проблему, которая мешала эффективно оказывать сопротивление – нехватку боеприпасов и некомплект артиллерии. Наличие необходимого количества артиллерии и снарядов к ним – это уже 50 % победы в сражении, так как в годы Великой Отечественной войны артиллерия оставалась «богом войны». Во многом благодаря подавляющему превосходству в артиллерии немецкие войска одерживали победы на Красной армией. В период активных боевых действий немецкий армейский корпус выстреливал по 200–300 т боеприпасов в сутки. Если же мы обратим внимание на состояние артиллерийского обеспечения на участке от Черкассы до Днепропетровска, то оно здесь было крайне плачевное. Так, в оперативной сводке 38-й армии от 11 августа отмечается, что обеспечение боеприпасами орудий, способных пробивать танки, находилось на уровне 1,3–0,2 боекомплекта, а запрошенные бронебойные боеприпасы к орудиям 85 мм и 76 мм на складах армии вовсе отсутствовали (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 135. Л. 19). Помимо обеспечения боеприпасами, наличие самой артиллерии в войсках также было неудовлетворительным. По сведениям из 196-й стрелковой дивизии от 10 августа в ней имелось всего 5 орудий калибра 122 мм и 5 орудий 76 мм и это в период, когда дивизия вела тяжелейшие бои на Черкасском плацдарме (ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 18. Л. 31.). Иногда в частях некоторые артполки и вовсе существовали только на бумаге, как, например, 225-й гаубичный артполк из состава 116-й стрелковой дивизии, оборонявшейся в Черкассах, в котором гаубиц вовсе не было (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 131. Л. 139.). Таких примеров в войсках не только 38-й армии, но и во всей Красной армии с начала осени 1941 г. хватает, и такое состояние артиллерии никак не могло способствовать эффективному поражению войск противника.

Следующая ключевая проблема Красной армии в осенний период 1941 г. – слабый наступательный потенциал подвижных соединений, с помощью которых возможно было бы решать кризисные моменты на фронте. На момент начала конца лета – начала осени танковые войска РККА находились в стадии «лиминальности», так как еще не закончился процесс переформирования разбитых танковых дивизий в танковые бригады, а моторизованных дивизий в стрелковые. Пассивная оборона априори не обещает победы, поэтому необходимы контратаки по ослабленному противнику с нанесением максимально возможных потерь. Если первоначально эти задачи должны были выполнять перенасыщенные бронетехникой танковые корпуса, то к осени 1941 г. это были условно «подвижные группы», ядром которых являлись кавалерийские корпуса или дивизии, подкрепленные танковой дивизией или бригадой. Наступательный потенциал такого соединения, как показал опыт, ограничивался лишь рейдами по тылам противника и отвлечением его внимания. Как пример, можно привести наступление 5-го кавалерийского корпуса с 12-й танковой дивизией и еще двумя кавалерийскими дивизиями на Корсунь (с 1944 г. – Корсунь-Шевченковский) с 7 по 15 августа, которое закончилось большими потерями и отход за Днепр. Хотя существенно это наступление не смогло повлиять на ход событий, успех был соразмерен приложенным усилиям. Проблема здесь в самом составе кавалерийской дивизии облегченного штата, по своим характеристикам она была

малопригодна для самостоятельного наступления на любую немецкую дивизию. В отличие от стрелковой дивизии, она не имела по штату тяжелых орудий и довольствовалась лишь 12–16 орудиями 76 мм, естественно, проигрывая немецким дивизиям по огневой мощи, не говоря уже о численности и обеспечении.

Стоит также, отметить и роль немецкой авиации, которая наносила существенный урон кавалерийским частям, будь они на марше или в наступлении. Это можно увидеть на примере 14-й кавалерийской дивизии, которая, наступая совместно с ранее упомянутым 5-м кавалерийским корпусом, за сутки от действий авиации противника потеряла до 300 человек и 600 лошадей (Гречко, 1976: 27). Похожая ситуация случилась с войсками Южного фронта генерала-армии И.В. Тюленева. Получив задачу от маршала С.М. Буденного (директива главкома Юго-Западного направления № 355), штаб Южного фронта сформировал подвижную группу из 8, 12-й танковых, 26, 28-й кавалерийских дивизий с далеко идущими целями разгромить мотомеханизированные войска противника перед своими позициями, выйти в направлении Кривой Рог – Николаев и обеспечить отход 9 и 18-й армий (ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 4. Л. 240; Д. 228. Л. 73). Обеспечение танками было удовлетворительным лишь у 12-й танковой дивизии (4 КВ, 53 Т-34). В 8-й танковой дивизии имелись преимущественно легкие БТ и т-26 (Исаев, 2004: 496). Попытка наступления была отражена немецкими войсками. Советские войска понесли значительные потери и ушли на переформирование. Э. фон Макензен отмечал, что контратака хоть и связала его части, но существенного значения не имела (Макензен, 2004: 252). Опыт ранее упомянутых боев еще раз доказывает, что эпоха кавалерии ушла в прошлое, наступление сводными соединениями из кавалерийских частей и потрепанных танковых дивизий, без должного артиллерийского обеспечения и прикрытия пехоты, было обречено на провал и большие потери.

Подчеркнув «болезни» Красной армии, стоит перейти непосредственно к оперативной обстановке при обороне Днепра. В августе 1941 г. линия фронта проходила в основном по реке, не считая нескольких советских плацдармов на правом берегу. Обороняли Днепр Юго-Западный фронт в составе 37, 26, 38-й армий, а также Южный фронт в составе 6, 12, 9, 18-й армий, всего 44 стрелковые, 10 кавалерийских, 3 танковые дивизий и механизированный корпус, располагавшиеся от Киева до Херсона. Противостояли им немецкие 6, 12, 18, 9-я армии, а также 1-я танковая группа, всего 46 дивизий всех типов. Если учесть состояние советских дивизий, а также разницу в составе дивизий, то перевес сил сразу определяется в пользу немцев. Но у Красной армии было существенное преимущество в виде широкой водной преграды, которая позволяла растягивать части чуть выше уставной нормы. При обороне в такой обстановке решающими факторами становятся разведка и реакция резервами. И, если советская сторона получала возможность разрядить построения своих частей, то вермахт мог высвободить большое количество войск, а также вследствие владения инициативой обретал преимущество первого удара и мог навязывать сражение в удобном ему месте. Такое положение сторон в противостоянии создавало интересную ситуацию, которая выльется в образцовое сражение с точки зрения военного планирования и оперативного искусства. Данная битва изобилует контрастами решений ее участников, при чем решения эти были как уникальными, так и откровенно провальными. Это сражение можно рассматривать, как условный образец при планировании крупных наступательных операций с форсированием широких водных преград или наоборот при построении обороны за ними.

При обороне на широкой водной преграды необходимо в первую очередь упреждать противника в наступлении, а для этого необходимо концентрировать силы в местах наиболее вероятного его наступления. И если 2-я танковая группа в конце августа – начала сентября 1941 г. наступала широким фронтом от Холма до Ямполья в общем направлении на Конотоп и Ромны, не имея каких-либо выступов и продвигаясь без особых прорывов, к тому же встречая серьезное сопротивление войск Брянского фронта, то 1-я танковая группа, как мы сейчас бы выразились, «пропала с радаров». Для ее поисков с 10 августа даже мобилизовали все разведывательные подразделения 38-й армии с задачей собрать максимально возможное количество сведений о перемещении противника (ЦАМО РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 8). Но имелись лишь сведения о постоянных потоках автомашин и танков,двигающихся на юго-восток от Крюкова. Последние сведения, которые свидетельствовали о том, что танковые соединения ушли к Днепропетровску, командование Юго-Западного фронта получило 16 августа. Из них следовало, что дивизия «Викинг» из

состава 1-й танковой группы была сменена пехотой и ушла на юго-восток (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 63. Л. 236.). Любой более-менее компетентный командующий, видя такую угрозу, сразу стал бы укреплять позиции под Днепропетровском, что и сделал генерал-армии И.В. Тюленев, достигнув высокой концентрации войск на этом участке. Поэтому, если рассматривать оперативную обстановку непосредственно с позиции командующего Юго-Западного или Южного фронтов, то не может возникнуть никаких сомнений о направлении главного удара противника. На тот момент Красная армия еще не знала, с какой скоростью могут перебрасываться крупные немецкие группировки войск, и как быстро может меняться направление главного удара противника. Другой вопрос в том, что на момент изучаемых событий, хоть и уже случился прецедент с окружением войск нескольких армий в Белоруссии, но такие события в военной сфере считались из ряда вон выходящими. До войны считалось, что окружить возможно не более чем корпус. Эту ситуацию подробнее описал И.Х. Баграмян в своей статье «Бой стрелкового корпуса в условиях окружения» в журнале «Военная мысль» в 1941 г. (Баграмян, 1941: 55-66). И поэтому предполагать попытку противника окружить войска нескольких фронтов в штабе Юго-Западного фронта никто не мог.

В середине августа, когда бои гремели на правобережной Украине, Верховное командование сухопутных войск Германии (ОКХ) и штабы армий уже планировали, где и как будут форсировать Днепр. 14 и 15 августа в штабе 17-й армии велись обсуждения о наступлении 49-го армейского корпуса на Кременчуг, а также о создании плацдарма у Днепропетровска (NARA. Т. 312 R. 668. F. 8302182). Подготовительные мероприятия по форсированию Днепра у Кременчуга начинались заранее. Основная роль отводилась 17-й армии, которой армейским приказом № 25 передали участок у Дерьевки – Ломоватого с задачей сосредотачивать войска у Кременчуга. К Днепропетровскому участку, согласно директиве группы армий «Юг» № 6 «Руководство операцией Барбаросса на местности», должна была выдвигаться 1-я танковая группа, которой ставилась задача: «Зачистить Днепровскую дугу (излучину. – М.Л.) и форсировать Днепр» (NARA. Т. 312 R. 668. F. 8302188). То есть, изначальных направлений для форсирования планировалась два – участок у Кременчуга и излучина Днепра. Разумеется, штаб группы армий выпускал приказы о создании тактических плацдармов, чтобы как можно скорее перенести боевые действия на левый берег, пока Красная армия не оправилась от поражений на Правобережье. К счастью, выполнить эти приказы немецкие войска не могли. Основными причинами тому в донесении штаба 17-й армии указывались удаленность пункта снабжения на 350 км и бои на Черкасском плацдарме – эти факторы откладывали крупные операции по овладению правым берегом, как минимум на неделю (NARA. Т. 312. R. 668. F. 8302190-8302191).

Черкасский плацдарм 38-й армии генерала-лейтенанта Д.И. Рябышева в августе 1941 г. стал для немцев настоящей головной болью. Оставлен он был не просто так. Если обратить внимание на окружающий рельеф и ландшафт, то он был крайне удобен в обороне. С запада и юга от Черкасс находилась серия естественных преград в виде Ирдыньских болот и лесистой местности. Единственный проходимый путь был на северо-западе вдоль Днепра, через села Будище, Свидовок и Дахновка, а также с юга, форсируя пойму Ирдыня. Именно эта сеть естественных преград, которая и создавала очертания линии обороны, во многом послужила причиной удержания этого участка. Приказом от 3 августа Ставка Верховного Главнокомандования поставила здесь 38-ю армию в составе: 116, 196, 297, 300, 212-й стрелковых и 37-й кавалерийской дивизий (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 11. Л. 176). На 5 августа оборона плацдарма в основном опиралась на полнокровную, ранее не участвовавшую в боях 116-ю стрелковую дивизию в 17 тыс. штыков, потрепанную боями 212-ю стрелковую дивизию смешанного состава и 196-ю стрелковую дивизию численностью не более 1,5 тысяч человек при 12 орудиях (Шатилов, 1987: 91). Общий фронт обороны на данном участке варьировался от 65 до 70 км. Облегчило судьбу Черкасского плацдарма изначальную незаинтересованность в нем немецких танков, 3-го моторизованного корпуса Э. фон Макензена. Их задача была преследовать отступавших красноармейцев до Днепропетровска и Кривого Рога, оставив плацдарм на «растерзание» пехоты 44-го армейского корпуса (NARA. Т. 312. R. 668. F. 8302182).

Первые бои на плацдарме начались 17 августа. Разведывательные отряды немцев сбили боевые охранения 116-й стрелковой дивизии и заставили ее отступить в некоторых

местах. Здесь и проявилось необстрелянность дивизии: ее первоначальное сопротивление было крайне скромным. Негативной оценки заслуживают и действия командира дивизии. Полковник Я. Ф. Еременко оценивался другими командирами, как человек малопривлекательный, не прошедший фронтную школу, сибарит, с фанабериями и «шапкозакидательскими» настроениями (Шатилов, 1987: 93). В день первой неудачи дивизии, 17 августа, после первых отступлений командарм-38 Д.И. Рябышев решил выехать в штаб Я.Ф. Еременко, чтобы лично разобраться в обстановке, и застал последнего спящим с ароматами перегара в блиндаже (Рябышев, 1990: 72). После чего Рябышев освободил Еременко от должности. Подтверждения такому поведению командира ни в документах, ни в воспоминаниях возможного очевидца – В. М. Шатилова, нет. Поэтому версия о том, что у Д.И. Рябышева имела личная неприязнь к командиру, также имеет место быть, так как Шатилов, командир соседней 196-й стрелковой дивизии, хоть замечал за Еременко некоторые фанаберии, однако заслуг и умений его, как командира, не умалял (Шатилов, 1987: 113).

Черкасский плацдарм героически держался 19 дней под натиском 3 немецких пехотных дивизий (57, 24 и 297-й). Особенно тяжелыми были бои на южном фланге плацдарма у Красной Слободы и Вергунов, где противник неоднократно с поддержкой пикирующих бомбардировщиков Ju-87 «Штука» штурмовал безымянную высоту с мельницей (Рябышев, 1990: 72). К 20 августа силы плацдарма таяли под постоянными атаками и обстрелами немецких войск. Для его удержания перебрасывались дополнительные силы в виде 97-й стрелковой дивизии и 4-й воздушно-десантной бригады. Эти постоянно подбрасываемые силы, с одной стороны, откладывали немецкую крупномасштабную переправу через Днепр, с другой стороны, «сжигали» так необходимые для обороны войска, поэтому целесообразность плацдарма уже ставилась под вопрос. Командующий армией Д.И. Рябышев, осознавая, что дальнейшее сопротивление на плацдарме имеет мало смысла, начал запрашивать разрешение на эвакуацию. Но здесь проявилась та самая «штабная истерия». Сталин лично запретил отход с плацдарма, заявив, что «не видит оснований для отхода. У противника нет преимущества в силах» (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 63. Л. 289-290).

К 22 августа штаб немецкой 17-й армии, понимая, что откладывать с плацдармом более нельзя, придал наступавшим пехотным дивизиям 245-й дивизион штурмовых орудий и 125-й артдивизион (NARA. Т. 312. Р. 668. Ф. 8302195). В этот же день командующий Юго-Западным фронтом издал приказ об эвакуации плацдарма и взрыве мостов (Рябышев, 1990: 75). Безусловно, если немцы, дождавшись подкреплений, атаковали плацдарм, судьба оборонявшихся войск была бы незавидна, поэтому своевременность приказа была «ювелирной», как и его последующее исполнение. 38-я армия полностью эвакуировалась с плацдарма, взорвав за собой мосты (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 135. Л. 312). Далее на этом участке начались длительные бои за остров Кроловец.

После того, как немецкое командование выявило, что Черкасский плацдарм более не представляет угрозы и выход к Днепру на всем фронте лишь вопрос времени, штабом 17-й армии был издан приказ № 26. Согласно этому приказу форсировать Днепр предполагалась на широком фронте, основным наступлением у Кременчуга, вспомогательным у Черкасс и демонстрацией у Канева. Операция получила кодовое название «Алекс» (NARA. Т. 312. Р. 668. Ф. 8302197). Для противодействия советской разведывательной и бомбардировочной авиации немцы формировали группы воздушной разведки, которые по спецсвязи должны были сразу поднимать в воздух истребительные эскадрильи (NARA. Т. 312. Р. 668. Ф. 8302197).

С течением времени план «Алекс» разделился на Алекс I, II и III, с разными участками форсирования. Для форсирования планировалось привлечь все переправочные средства 17-й армии и 1-й танковой группы. Особо интересно выглядит использование немцами пилорамного завода у Крюкова для заготовки лесоматериала к переправе (NARA. Т. 312. Р. 668. Ф. 8302201). Впрочем, разведывательные ВВС Красной армии быстро выявили склады с подготовленной древесиной и подожгли их зажигательными авиабомбами (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 135. Л. 198). Подготовка немцев к форсированию Днепра продолжалась.

Пока на Каневско-Кременчугском направлении немецкая 17-я армия «по-хозяйски» готовилась к переправе, выбивая себе снабжение, боеприпасы и инженеров, командующий 3-м моторизованным корпусом Э. фон Макензен 25 августа, закончив все подготовительные действия, пошел на штурм Днепропетровска, бои за который наверняка стали для него

удивлением. За день до этого, 24 августа Днепропетровск был серьезным образом укреплен. На фронте в 20-30 км оборонялись 275 и 255-я стрелковые дивизии, подпираемые в черте города 8 и 12-й танковыми дивизиями по 25-50 танков в каждой, и продвижение здесь немцев было очень медленным и с большими потерями (NARA. Т. 314. R. 184. F. 1057). С самого плацдарма на доукомплектование эвакуировали 230-ю стрелковую и 26-ю кавалерийскую дивизии. Особо заставляет задуматься отсутствие подготовленной обороны на левом берегу Днепра у Ломовки. Тыловых подготовленных позиций, как и частей, их занимавших, попросту не было. Результат такой военной халатности будет известен позже. 25 августа 13-я танковая и 60-я моторизованная дивизии вошли в Днепропетровск и, обнаружив неуничтоженный наплавной мост, на плечах отступавших переправились на другой берег, начав закрепляться на плацдарме (NARA. Т. 313. R. 7. F. 7232004).

В журнале боевых действий Южного фронта так описывается эта катастрофа: «Накануне боев на подступах [к] Днепропетровск[у] обстановка сложилась следующая: 24.08 Командующему 6 А Чибисову было отдано распоряжение Командующего фронтом оборонять Днепропетровск. Вопреки этому, в 21:00 24.08 Командарм 6 отдал приказ об отходе армии на вост. берег р. Днепр. После указания Комфронта, когда части были у Днепропетровска, командарм 6 повернул их обратно для занятия оставленных позиций. К этому времени немцы уже заняли наши позиции. После этого Комфронта было отдано распоряжение отводить войска на восточный берег, чтобы не дать возможности пр-ку на плечах наших войск переправиться на вост. берег р. Днепр» (ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 233. Л. 13).

В итоге ситуация получилась крайне противоположная желаниям командующего фронта. Так образовался Ломовский плацдарм. Определенную роль, вероятно, сыграло ранение в этих боях командующего фронтом генерала-армии И.В. Тюленева, которого сменил генерал-лейтенант Д.И. Рябышев. Концентрировавшиеся на плацдарме подвижные части грозили вырваться в тыл войскам Южного фронта. Поэтому на данном этапе Красной армии было необходимо максимально купировать прорыв и пытаться сбросить противника в реку. Для этого уже 26 августа была организована контратака силами 275-й стрелковой дивизии, 26-й кавалерийской дивизии, полка курсантов, оставшихся машин 8-й танковой дивизии и трех артдивизионов. После атаки противник был отброшен к Днепру и зажат у завода № 165 (ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 233. Л. 16).

В свою очередь генерал-кавалерии Э. фон Макензен, понимая, что «жечь» на плацдарме драгоценные подвижные части неразумно, начал производить ротацию, с целью высвободить танки из этого огневого мешка, а также запросил 198-ю пехотную дивизию из состава 17-й армии для смены (NARA. Т. 312. R. 668. F. 8302205). Командующий Южного фронта, стремясь как можно быстрее ликвидировать плацдарм, задействовал в наступлении еще 255-ю стрелковую дивизию, два училища и усилил всю группировку пятью корпусными артиллерийскими полками общей численность в 95 орудий калибра 122 и 152 мм. Такая грозная сила на столь малом участке грозила «утопить» противника в огне. Но пока это были частные операции, в которые все глубже погружалась Красная армия, не видя настоящей угрозы.

Если абстрагироваться от отдельных сражений и обратить внимание на оперативное построение фронта, и уже апостериорно оценить обстановку на фронте, можно обрисовать следующую картину. Советский фронт от Черкасс до Днепропетровска обороняли 38-я армия и 6-я армия общей численностью в 10 стрелковых и 2 кавалерийских дивизий на фронте средней разреженностью боевых построений в 30–40 км. В резерве на Кременчугском направлении находился 5-й кавалерийский корпус и еще две стрелковых дивизии на переформировании. На Днепропетровском направлении единственный резерв уже направлялся к фронту в виде 226-й стрелковой дивизии и имел смешанные боевые характеристики (ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 233. Л. 13). Кавалерийский резерв у Запорожья в виде 2-й кавалерийской дивизии находился на крайне большом удалении от фронта и скорее был подготовлен «подпирать» Запорожское направление. Основные точки скопления советских дивизий на участке от Черкасс до Днепропетровска — это остров Кроловец на севере и Ломовский плацдарм у Днепропетровска. И, соответственно, для прикрытия направления главного удара у Кременчуга Красная армия могла выставить достаточно быстро только 5-й кавалерийский корпус и две стрелковые дивизии малых боевых возможностей. Соотнеся изначальные немецкие планы на начало августа, с приказом по 17-й армии № 27, согласно которому форсирование Днепра следует осуществлять непосредственно на участке Алекс I,

севернее Дерьевки через острова Молдован и безымянный остров с отметкой 60.8, с демонстративными атаками на прочих участках, мы видим, что изначальный план немцев претерпел изменения из-за оперативной обстановки на фронте, которая сложилась в их пользу (NARA. Т. 312. R. 668. F. 8302215). Советские войска своими действиями сами создали предпосылки для удачного форсирования Днепра под Кременчугом. В то время, как немцы, сражаясь на плацдарме под Черкассами, не отводили изначально ему серьезной роли, обозначая данный участок лишь как вспомогательный, войска 38-й армии увлеклись боями за остров Кроловец и сконцентрировали на этом участке 116, 97 и 196-ю стрелковую дивизии, предполагая, что именно здесь готовится форсирование Днепра. В оперативных сводках и донесениях в период с 24 по 30 августа основное внимание уделяется именно боям за этот остров. Это также говорит о том, что все внимание 38-й армии было приковано именно к нему (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 135. Л. 321; Д. 136. Л. 132; Ф. 251. Оп. 646. Д. 23. Л. 262). На Днепропетровском участке из-за халатности в обороне Днепропетровска командование 6-й армии допустили форсирование немцами Днепра, облегчив им работу, и позже сконцентрировав на уничтожении плацдарма три дивизии, пять артиллерийских корпусов и сводные полки училищ, лишив фронт потенциальных резервов. Как мы видим, основная задача немцев по «растаскиванию» советских резервов на ложные участки форсирования решилась, практически, сама собой, и необходимость в создании ложных участков отпала. Поэтому планы Алекс I и II были частично отменены. Немцам лишь осталось не упустить момент и как можно быстрее форсировать реку, пока у Красной армии на основном участке не было серьезных резервов.

С 28 августа части 17-й армии начали форсировать Днепр, захватывая острова Молдован и безымянный остров с отметкой 60.8 силами егерских подразделений 52-го и 11-го армейских корпусов, подготавливая позиции для переправы южнее Кременчуга (NARA. Т. 312. R. 668. F. 8302221). Тем временем, основное внимание Юго-Западного фронта по-прежнему было приковано к Черкассам и острову Кроловец. 31 августа силами двух батальонов 100-й пехотной дивизии 52-го армейского корпуса немцы создали плацдарм в районе населенного пункта Калиберда и в течении дня расширили его на 4 км вглубь и 4,5 км вширь. На участке 11-го армейского корпуса немецкие войска начали мелкими отрядами захватывать прочие острова на Днестре.

Командующий 38-й армии генерал-майор танковых войск Н.В. Фекленко, осознавая опасность, которая складывалась у него на левом фланге в районе Кременчуга, стал жаловаться непосредственно Главкому на отсутствие поддержки и резервов. На что командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос в ответном письме обвинял Н.В. Фекленко в паникерстве перед ротой противника, аргументировав свою позицию тем, что у 38-й армии достаточно сил, чтобы сдерживать противника (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 136. Л. 36).

Как мы видим, командующий Юго-Западным фронтом не видел серьезной угрозы на своем левом фланге, которая в дальнейшем станет для него «лебединой песней». Командующий 38-й армией, в свою очередь, исходя из совершенно трезвых данных, отраженных в разведсводках от 29-31 августа, в которых достаточно четко прослеживается концентрация большого количества войск, в том числе танковых, в районе Дерьевки, небезосновательно выделял свой участок как основной (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 136. Л. 31). То есть, пока на участке Фекленко не сложилась обстановка, непосредственно угрожавшая всему Юго-Западному фронту, его командование было мало заинтересовано в акцентировании внимания на Кременчуге. В то же самое время немецкие войска ко 2 сентября переправили 76-ю пехотную дивизию, к 4 сентября – 239-ю пехотную дивизию. Соотношение сил с каждым днем переваливало в пользу немцев. Основав и закрепив плацдарм за собой, немцы начали заботиться о переброске танков, запланировав строительство моста грузоподъемностью в 16 тонн (NARA. Т. 312. R. 668. F. 8302227). Позже эта идея была отклонена ввиду невозможности ее реализации, и командование 52-го корпуса остановилось на идее одного моста грузоподъемность в 8 тонн (NARA. Т. 312. R. 668. F. 8302231). Так как немцы для постройки моста собрали саперные и понтонные батальоны со всей армии, а также использовали местную фабрику пиломатериалов, мост был готов уже к 4 сентября.

В итоге после 4 сентября обстановка становилась все более критической, и времени для перехватывания инициативы и сбрасывания противника оставалось совсем мало. Но оставался последний ресурс – 132-я, позже 142 и 3-я танковые бригады, прибытие

которых затянулось до 11 сентября ([ЦАМО РФ. Ф. 3309. Оп. 1. Д. 1. Л. 30](#)). Наличие такой грозной силы, как три танковые бригады, должно было уравнивать чашу весов. Но командующий 38-й армии генерал-майор танковых войск Н.В. Фекленко принял достаточно противоречивое решение – распределить танки побатальонно между стрелковыми дивизиями и совместно с кавалерийским корпусом атаковать противника ([ЦАМО РФ. Ф. 1459. Оп. 1. Д. 5. Л. 116](#)). Как нетрудно догадаться, наступление закончилось, так и не начавшись, а после того, как ударили дожди, наступление и вовсе оказалось отложено. Дальнейшие возможности для сбрасывания противника в реку фактически отсутствовали, так как переправа танков в район Кременчуга намечалась на 11 сентября, и это уже являлось для Красной армии «точкой невозврата» в обороне Левобережья ([NARA. T. 312. R. 668. F. 8302269](#)).

4. Заключение

Для удержания позиций на основном направлении, куда было нацелен главный удар немцев – Кременчугский участок – у Красной армии было много возможностей, если бы были своевременные реакции на так называемые «маркеры опасности» действий противника. Но с каждым днем и с каждым упущенным «маркером» вероятность успеха становилась все более призрачной. Одним из первых «маркеров» стали итоги разведсводки от 28-29 августа, из которых можно было сделать необходимые выводы и укрепить Кременчугское направление. Но была ли гарантия, что немцы не изменили бы все планы и не перебросили бы войска под Черкассы, развивая наступление отсюда? Это, как минимум, ухудшило их позиции для наступления, так как их фланги не были бы прикрыты реками Псел и Ворскла, а сам охват Юго-Западного фронта был бы куда меньшим и его вероятность была бы под вопросом.

Следующий «маркер» – оборона островов на Днепре. Как ранее указывалось, при обороне такой широкой реки, как Днепр, необходимо обращать внимание на оборону островов, так как прокладывая понтонно-мостовую переправу через них противник существенно упрощает себе форсирование и наступление. Сам генерал-майор танковых войск Н.В. Фекленко являлся достаточно противоречивым командующим, типичным представителем сравнительно молодого высшего офицерского состава 1940-х гг., быстро поднявшимся по карьерной лестнице. И свой полноценный дебют управления войсками в боевой обстановке он получил еще на Халхин-Голе, что должно создавать представление о Фекленко, как о генерале опытном и обстрелянном. Тогда под Халхин-Голом он командовал 57-м особым корпусом, и по приезду Жукова стало ясно, что Фекленко не справлялся с обязанностями. Поэтому в этот же день он был снят с командования ([Жуков, 1974: 169](#)). Спустя 4 года, уже на Днепре, генерал-майор Н.В. Фекленко, с одной стороны, проявлял стратегическое мышление и еще в период боев за острова выделял свое направление, как основное для противника, а также обозначал необходимость обороны островов, жалуясь что прошлый командующий их не смог удержать ([ЦАМО РФ. Ф.229. Оп. 161. Д. 136. Л. 156](#)). С другой стороны, являясь генералом танковых войск, продемонстрировал некомпетентность в управлении танковыми частями, «размазав» их по фронту в то время, как три полноценные танковые бригады могли существенно изменить баланс сил в пользу Красной армии.

Если оценивать сражение на стратегическом уровне, то оно выглядит достаточно противоречиво. Изначальный план немцев претерпел серьезные изменения из-за сложившейся обстановки ([NARA. T. 312. R. 668. F. 8302215](#)). Если ранее немцами планировалось наносить вспомогательные удары для отвлечения резервов Красной армии, то, как мы заметили по хронологии событий, к 26 августа в пространстве от Канева до Днепропетровска резервов, по сути, не осталось. Немцам не нужно было больше выдумывать планов, осталось только нанести удар по ослабленному участку и далее развивать наступление на нужном направлении.

Таким образом, командование двух фронтов на основном направлении обороны само лишило себя резервов из-за своих оперативно-стратегических оплошностей и близорукости в оценке обстановки, а попытка решить уже обострившуюся проблему уперлась в неумение командарма 38-й армии эффективно использовать танковые части. Впоследствии упущенный удар под Кременчугом станет «эшафотом» для двух фронтов. Для Юго-Западного фронта – уже через 10 дней. Для Южного фронта – значительно позже, когда танковые войска, высвободившиеся из-под Киева, получают выгодные позиции для наступления по открывшемуся правому флангу, что впоследствии станет еще одним

трагическим окружением. Такова цена военной халатности и невнимания к оперативной обстановке, а также недооценка возможностей противника в реакции танковыми соединениями на третьем месяце маневренной войны.

Литература

- [Баграмян, 1941](#) – *Баграмян И.Х.* Бой стрелкового корпуса в условиях окружения // *Военная мысль*. 1941. № 1. С. 55–66.
- [Баграмян, 1971](#) – *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. 512 с.
- [Василевский, 1978](#) – *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: Издательство политической литературы, 1978. 552 с.
- [Великая Отечественная война, 1998](#) – Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М.: Наука, 1998. 544 с.
- [Великая Отечественная война, 2011](#) – Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. 976 с.
- [Гречко, 1976](#) – *Гречко А.А.* Годы войны. М.: Воениздат, 1976. 574 с.
- [Гудериан, 1999](#) – *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / пер. с нем. Смоленск: Русич, 1999. 656 с.
- [Еременко, 1965](#) – *Еременко А.И.* В начале войны. М.: Наука, 1965. 510 с.
- [Жуков, 1974](#) – *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Изд. 2-е. Т. 1. М.: АПН, 1974. 735 с.
- [Исаев, 2004](#) – *Исаев А.В.* От Дубно до Ростова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 784 с.
- [Макензен, 2004](#) – *Макензен Э.* От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941–1942 годов // *От Буга до Кавказа*. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 223–324.
- [Москаленко, 1979](#) – *Москаленко К.С.* На юго-западном направлении. Кн. 1. М.: Воениздат, 1979. 416 с.
- [Рябышев, 1990](#) – *Рябышев Д.И.* Первый год войны. М.: Воениздат, 1990. 255 с.
- [Сорокин, 2022](#) – *Сорокин А.К.* В штабах Победы: Очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 239 с.
- [Хисамутдинова, 2014](#) – *Хисамутдинова Р.Р.* Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945): военно-исторические очерки. Оренбург: ОГПУ, 2014. 476 с.
- [Шатилов, 1987](#) – *Шатилов В.М.* А до Берлина было так далеко. М.: Воениздат, 1987. 334 с.
- [ЦАМО РФ](#) – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.
- [NARA](#) – National Archives and Records Administration.

References

- [Bagramyan, 1941](#) – *Bagramyan, I.Kh.* (1941). *Boi strelkovogo korpusa v usloviyakh okruzheniya* [The battle of the rifle corps in the environment]. *Voennaja mysl'*. 1: 55–66. [in Russian]
- [Bagramjan, 1971](#) – *Bagramyan, I.Kh.* (1971). *Tak nachinalas' voina* [Thus the war began]. М.: Voenizdat, 512 p. [in Russian]
- [Eremenko, 1965](#) – *Eremenko, A.I.* (1965). *V nachale voiny* [At the beginning of the war]. М.: Nauka, 510 p. [in Russian]
- [Grechko, 1976](#) – *Grechko, A.A.* (1976). *Gody voiny* [The War Years]. М.: Voenizdat, 574 p. [in Russian]
- [Guderian, 1999](#) – *Guderian, G.* (1999). *Vospominaniya soldata* [Memoirs of a soldier]. Smolensk: Rusich, 656 p. [in Russian]
- [Isaev, 2004](#) – *Isaev, A.V.* (2004). *Ot Dubno do Rostova* [From Dubno to Rostov]. М.: AST; Tranzitkniga, 784 p. [in Russian]
- [Khisamutdinova, 2014](#) – *Khisamutdinova, R.R.* (2014). *Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuza (1941–1945): voenno-istoricheskie ocherki* [Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945): military-historical essays]. Orenburg: OGPU, 476 p. [in Russian]
- [Makenzen, 2004](#) – *Makenzen, E.* (2004). *Ot Buga do Kavkaza: III tankovyi korpus v kampanii protiv Sovetskoi Rossii 1941–1942 godov* [From Bug to the Caucasus: III tank corps in the campaign against Soviet Russia in 1941–1942]. *Ot Buga do Kavkaza* [From Bug to the Caucasus]. М.: AST, 496 p. [in Russian]

- [Moskalenko, 1979](#) – *Moskalenko, K.S.* (1979). Na yugo-zapadnom napravlenii. Kn. 1. [In a southwest direction. Book 1]. M.: Voenizdat, 416 p. [in Russian]
- [NARA](#) – National Archives and Records Administration.
- [Ryabyshev, 1990](#) – *Ryabyshev, D.I.* (1990). Pervyi god voiny [The first year of the war]. M.: Voenizdat, 255 p. [in Russian]
- [Shatilov, 1987](#) – *Shatilov, V.M.* (1987). A do Berlina bylo tak daleko [And Berlin was so far away]. M.: Voenizdat, 334 p. [in Russian]
- [Sorokin, 2022](#) – *Sorokin, A.K.* (2022). V shtabakh Pobedy: Ocherki istorii gosudarstvennogo upravleniya v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [In the headquarters of Victory: Essays on the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 239 p. [in Russian]
- [TsAMO RF](#) – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation].
- [Vasilevskii, 1978](#) – *Vasilevskii, A.M.* (1978). Delo vsei zhizni [The work of a lifetime]. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 552 p. [in Russian]
- [Velikaja Otechestvennaja vojna, 1998](#) – Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voenno-istoricheskie ocherki. Kn. 1. Surovye ispytaniya [Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays. Book 1. Severe tests]. M.: Nauka, 1998. 544 p. [in Russian]
- [Velikaja Otechestvennaja vojna, 2011](#) – Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov: v 12 t. T. 1. Osnovnye sobytiya voiny [Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. Vol. 1. Major events of the war]. M.: Voenizdat, 2011. 976 p. [in Russian]
- [Zhukov, 1974](#) – *Zhukov, G.K.* (1974). Vospominaniya i razmyshleniya. Izd. 2-e. T. 1 [Memories and reflections. 2nd ed. Vol. 1]. M.: APN, 735 p. [in Russian]

Образование Кременчугского плацдарма и его роль в окружении войск Юго-Западного фронта в 1941 г.

Марк Ростиславович Лысенко ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается оборона левого берега Днепра в августе-сентябре 1941 г. Автор выделяет создание Кременчугского плацдарма, как главную причину Киевского окружения. Данный тезис подтверждает анализ общей стратегической обстановки на украинском направлении, сложившейся к моменту формирования и закрепления Кременчугского плацдарма. Автор подробно разбирает хронологию сражения за левобережье, которое в основном разворачивалось не на всем протяжении фронта, а на отдельных плацдармах. Сопоставляя немецкие планы со сложившейся оперативной обстановкой в пространстве от Канева до Запорожья, автор пришел к выводу, что Красная армия, стягивая крупные силы для боев на локальных прорывах, в совокупности с незначительным взаимодействием между командованиями армий, фронтов и Ставкой Верховного главнокомандования, создала условия, благоприятствующие для успешного прорыва противника на главном для него направлении. Как второстепенные факторы, повлиявшие на оборону, автор рассматривал общие проблемы Красной армии на момент конца лета – нехватку боеприпасов, слабость подвижных соединений, «штабную истерию». Исследование опирается на документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и немецкие архивные документы, находящиеся на хранении в Национальном управлении архивов и документации США, а также источники личного происхождения и историографию по изучаемому вопросу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборона левобережья Днепра, Киевская стратегическая оборонительная операция 1941 г., сражение на Днепропетровском плацдарме, Черкасский плацдарм, Кременчугский плацдарм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lysenkomarko@gmail.com (М.Р. Лысенко)